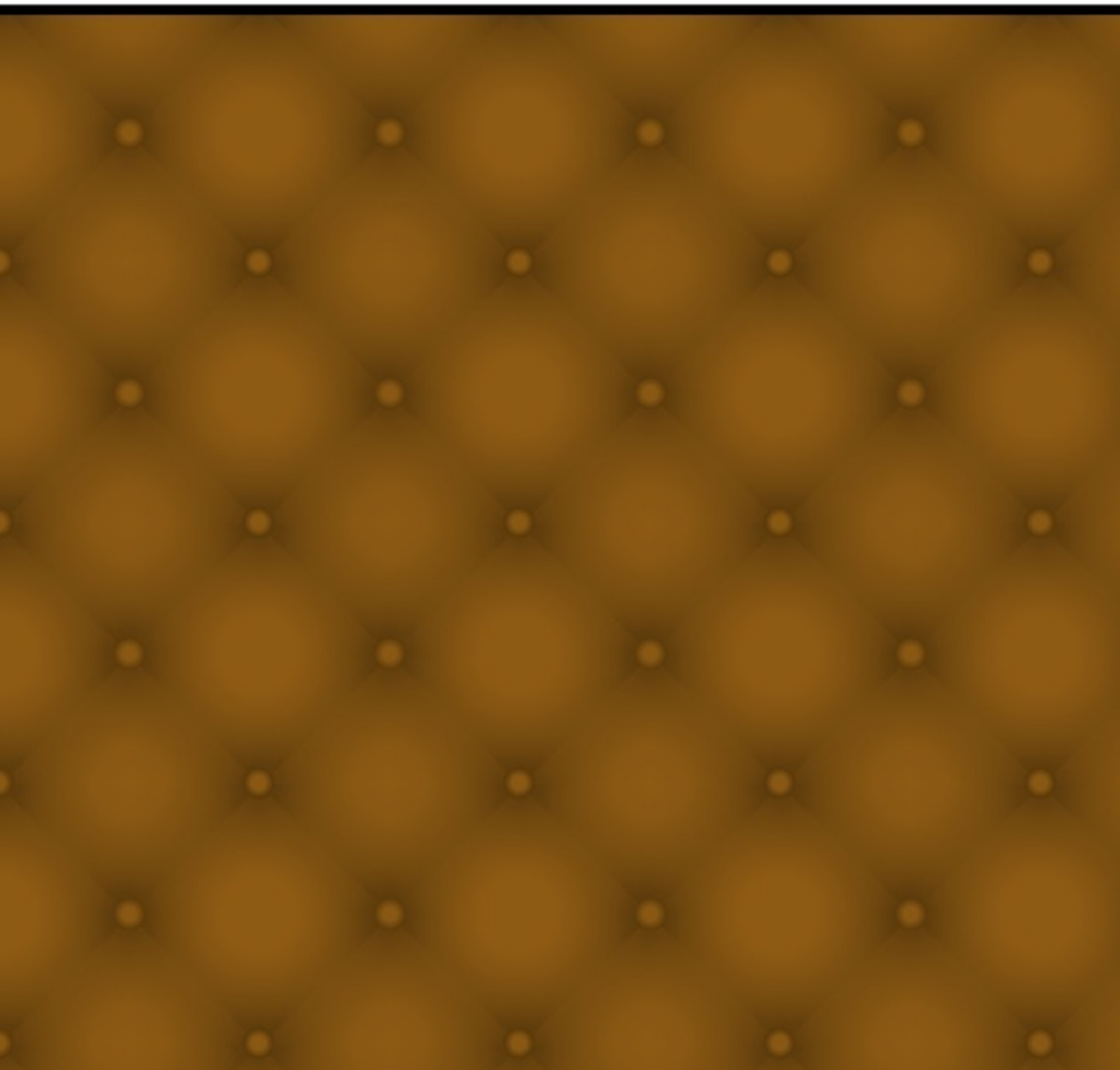

СТАНИСЛАВ АФОНСКИЙ

Дом «Ха-Ха»

Станислав Афонский

Дом «Ха-Ха»

«Издательские решения»

Афонский С.

Дом «Ха-Ха» / С. Афонский — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-832418-5

Книга «Дом «Ха-Ха» состоит из двух частей: повести и «Дневника контролёра ОТК». Но дневник — не художественное произведение, а дословное воспроизведение фрагментов подлинного дневника 60-х годов контрольного мастера Станислава Козлова. Книга рассказывает о том, что именно было: в рабочем общежитии, в заводском цехе, в магазинах, в столовых, в «плановом хозяйстве», в санатории, в Эстонии...

ISBN 978-5-44-832418-5

© Афонский С.
© Издательские решения

Содержание

Предисловие	6
Дом «Ха-Ха»	7
Фасад	7
Чудеса	8
Дом	10
Обитатели	13
«Габер-суп»	18
Работа	22
Досуг	26
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Дом «Ха-Ха»

Станислав Афонский

© Станислав Афонский, 2016

ISBN 978-5-4483-2418-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Предисловие

В написанном под заголовком «Дом «Ха-ха» нет ничего, нафантазированного автором. Всё списано и срисовано с самой что ни на есть натуры. Уже известно: жизнь часто оказывается куда интереснее, чем любые выдумки. Особенно прошлая жизнь...

Когда-то в детстве мне казался само собой разумеющимся факт: я существовал всегда и в пространстве, и во времени. И в прошлом, и в настоящем, и в будущем. Но родители просветили мой несовершенный разум. Я с огромным недоумением узнал: меня, оказывается, когда-то просто не было... Всё было: и папа с мамой, и все другие люди, и облака на небе, и само небо – всё это было. А меня – не было... Это не укладывалось в голове. Этого же не может быть: как это – не было?.. При чём известно, до какого времени не было – до дня и часа моего рождения! А до того где я был?.. Не из ничего же я возник? Что-то ведь было!..

Вот этот-то важнейший и интереснейший вопрос и породил во мне ранний интерес к истории. Я донимал родителей навязчивым вопросом: что было до того, как я родился? Ясное дело – было очень много всякого... Самая первая книга, прочитанная мной самостоятельно в шесть лет, была «Граф Нулин» Пушкина. Вторая же – «Цесаревич», дореволюционного издания. Потом, это уже далеко за детский возраст, решил я, личной истории для и чтоб прошлого не забыть, записывать жизнь свою в дневник. Решение своё претворил в жизнь и теперь в моём книжном шкафу нежатся 33 (тридцать три) тетради, о девяносто шесть страниц каждая, моих личных дневниковых записей. Начиная с 1964 года по сие время. Записи велись почти ежедневно.

Получился своего рода репортаж из прошлого, расписанный по дням. Иногда и по часам. Любопытный «репортаж» даже для сегодняшнего меня – многое подзабыто. Зачем писал дневник сказать очень затрудняюсь. Поначалу просто не задумывался об этом, а потом писал уже по привычке. Ни о какой публикации своих записей естественно и не помышлял. Недавно помыслил...

Прошлое изобилует превратностями сознания и воображения. У одних от возраста идеализирующего, у других от возраста не знающего, но слушающего идеализирующих или «очерняющих».

Дневник – объективен. Он не идеализирует, не приукрашивает и не «очерняет». Он содержит действительность прошлого таким, каково оно было.. В нём – информация о действительных фактах настоящих событий конкретных дней. Его невозможно переписать кому-то или чему-то в угоду. Вот она – лежит передо мной тетрадь дословных записей шестидесятих годов о реальной жизни рабочих, о штурмовщине, о том, чего не было в магазинах, о... многом. А частица «ха-ха» есть во многом и во многих домах, и странах. Как и «смех сквозь слёзы» или слёзы сквозь смех.

Дом «Ха-Ха» Повесть

Фасад

Он и сейчас стоит таким же, каким и был много лет назад, когда я впервые узнал, какое имя ему присвоено, а потом увидел и стал одним из его обитателей. Стоит на том же месте возле площади имени Горького – на Большой Покровке напротив школы милиции. Дом номер шестьдесят. Большой, массивный, желтый, пятиэтажный красавец. Внешний его облик остался неизменен. Впечатление такое, что его никогда не ремонтировали, но вполне возможно, это не только впечатление. Но выглядит он ничуть не хуже, чем раньше. Только желтая краска местами отшелушилась и покорибилась. Дом стоит молодцевато и важно, свысока глядя на суету людей и машин. Надо отдать должное: он имеет на это право – на всем отрезке Большой Покровки от площади Горького до площади Лядова это самый большой и роскошный дом. Строился он когда-то для гостиницы. Строительство окончили накануне войны и, когда в город Горький хлынули эвакуированные из Москвы рабочие, решено было преобразовать дом в общежитие – тоже своего рода гостиницу – временно же.

С фасада две двери. Левую дверь с середины шестидесятых годов украшало такое множество бюрократических вывесок, что казалось легче перечислить то, чего там не было, чем то, что было. В 1962 году было иначе. Дом украшали лишь две вывески: «Столовая» – на левом крыле и «Промтовары» – на правом. Справедливости ради надо сказать, что обе эти вывески украшением являлись весьма относительным. Они просто формально обозначали местонахождение заведений, в одном из которых можно было что-нибудь поесть, а в другом во что-нибудь одеться. Через несколько лет столовая приобрела еще одну, более солидную функцию: по вечерам она превращалась в ресторан, называемый в народе «Серая лошадь»... Почему лошадь и почему именно серая не мог ни знать, ни даже предполагать никто, кроме того, кто такое название придумал. Но имя его и координаты в пространстве остаются тайной до сих пор. Иногда мне кажется, что это я припоминаю, будто «Серую лошадь» придумали именно мы, молодые рабочие и инженеры, часто в этой столовой питавшиеся и даже иногда посещавшие одинокую «лошадь». Но точно сказать уже не могу – время поглотило подробности этой детали прошлого...

Чудеса

В 1959 году моя личная жизнь украсилась тремя чудесами. Чудо первое заключалось в том, что мне удалось оформить постоянную прописку в городе Горьком. До того она была лишь временной, а с ней больше, чем на рабочее место в строительной организации УНР-798 рассчитывать не приходилось. Впрочем, надо сказать о том, что и временную-то мне тоже не просто так предоставили. Прежде всего, я приехал из сельской местности в то время, когда там паспорта выдавались только тем, кто не был членом колхоза сам или такими не были его родители. Мои родители работали учителями, и паспорт мне вручили без проволочек и по праву. Временная же прописка необходима была для того, чтобы проверить моральный, нравственный и законопослушный облик новоявленного горожанина родной страны. Проверка продолжалась восемь месяцев и окончилась для меня благополучно. Все это время я проработал на строительстве Высшей партийной школы и жилого дома возле молочного комбината, находившегося, и находящегося через дорогу от помпезного здания Высшей Партийной школы или, покороче: ВПШ. Хотелось устроиться на завод.

Для этого необходимо было явление чуда второго. У отделов кадров заводов стояли длинные хвосты терпеливых очередей, состоящие из таких же, как я, желающих. Выделиться из их общей массы можно было лишь, получив в райкоме ВЛКСМ комсомольскую «путевку» на один из заводов с точным указанием на ней – на какой именно.

В отделе кадров завода имени Фрунзе мне так и сказали: возьмем, дорогой товарищ, с удовольствием, если принесешь из райкома комсомола путевку. Вдохновленный, окрыленный и обнадеженный, через десяток минут я стоял перед одним из инструкторов Приокского райкома комсомола и слушал его ответ: «С удовольствием, дорогой ты наш товарищ, дадим тебе путевку на завод имени товарища Фрунзе, если принесешь нам справку из отдела кадров этого завода о том, что они готовы взять тебя к себе на работу...» Ответ показался логичным. В самом деле, поставил я себя на место инструктора, почему он должен мне на слово верить – вдруг я такой прохиндей, что его обманываю? Долго не замедлив, возник пред строгими очами уже знакомой работницы отдела кадров завода имени Фрунзе. Выслушав мою воодушевленную тираду о справке для справки, обладательница строгих очей серьезно порекомендовала мне вернуться в райком комсомола и потребовать от него подтверждения своих слов в виде документа, более достойного доверия, чем мои голословные заявления... То есть – справку.

Сгорая, по-военному повернувшись налево кругом и прищёлкнув каблуками кирзовых сапог, припустился было я к родному райкому, но уже на остановке троллейбуса номер шесть одумался: это же замкнутый круг – с меня же опять потребуют справку из отдела кадров... Сплюнув с досады и нервно закурив, я сдался и, дождавшись троллейбуса, поехал в противоположную райкому и заводу на Мызе сторону. Злясь и усмехаясь. Интересно, куда посылали тех, кто стоял в очереди позади меня...

В той стороне возле здания тюрьмы с одной стороны, и университетом с другой находился завод п/я 69 – очень «номерной», и очень секретный для всех, кроме любого мальчишки из прилегающей округи... Без всякой надежды, просто наудачу, побрел к одноэтажному, чуть ли не глинобитному бараку, находившемуся почти рядом с шоссе. На бараке – невзрачная дощечка. На дощечке текст, из которого можно понять, что именно здесь находится отдел кадров завода... Умудренный только что приобретенным опытом, прежде чем войти в этот отдел помедлил... Скорее всего меня ожидали те же бюрократические процедуры, что и на Мызе... Стоит ли рыпаться?.. А что это за табличка на дверях? «Заводской комитет ВЛКСМ»... Подумалось: не начать ли отсюда? Эх, была – не была. Всё равно терять нечего.

Как оказалось, подумалось правильно. Отрекомендовав сам себя, как активного комсомольца, всю сознательную жизнь занимавшегося общественной работой, оформляя стенные газеты своими рисунками, заметками и стихами, я неожиданно попал в десятку не целясь. Заводскому комитету комсомола именно такого человека, именно в настоящий момент и не хватало в буквальном смысле этого понятия. С помощью секретаря комитета вопроса о приеме меня на работу даже не возникло: он был решен мгновенно. Так свершилось чудо номер два. Вскоре потребовалось и третье.

Не имея в городе собственной квартиры и денег для проживания на частной, я, работая на стройке простым разнорабочим после демобилизации из армии, жил в общежитии строительного треста. Уволившись из него, я обрекал себя тем самым и на выселение из общежития. Проблема за проблемой... Для решения очередной пришлось опять обратиться за помощью к ребятам из комитета комсомола. Себя я уже успел зарекомендовать не только словами, но и выпуском нескольких стенных газет в своём цехе.

Третье чудо свершилось, как ему и положено, тоже чудесным образом: как раз в день и час моего обращения с просьбой помочь в устройстве в общежитие, в нем освободилось место... Когда мои товарищи в цехе узнали куда меня определили жить, то лучезарно и понимающе улыбнулись:

- Значит – в дом «Ха – ха».
- Почему дом – и «ха —ха»?
- Это, брат, сам скоро увидишь....

Дом

Жилая часть Дома начиналась лишь со второго этажа – весь первый, как ясно из вывесок, занимали столовая и магазин. Вел в нее лишь один подъезд со стороны двора, но проникнуть внутрь дома можно было и со стороны столовой. Когда она работала – дверь из ее вестибюля открывалась на лестничную площадку жилого подъезда. Очень удобна была эта дверь для жильцов дома – ужинать ходили чуть ли не в домашних тапочках.

Первое мое посещение уникального Дома запомнилось навсегда. Сразу же за входной дверью вошедший видит перед собой широчайшую лестницу, предназначенную, кажется, более для восхождения на Олимп богов, облаченных в тоги, чем для простых смертных. Может быть, она на самом-то деле и не так уж широка, богам виднее, но для нас, им не подобным и привыкшим к зажатости современных лестниц в жилых домах, лестница этого дома смотрелась чрезмерно широкой. Она шикарно и торжественно обрамляла пролёт такого же впечатляющего размера. Он предназначался, вероятно, или для огромного лифта – на тот случай, если богам захочется не шагать по ступеням, а вознестись, либо для коллективного сбрасывания вниз, если таковой бред мог придти кому-нибудь в голову. Он не приходил, надо полагать, потому что история Дома не зафиксировала ни одного факта как сбрасывания, так и вознесения. Лифта не имелось совсем, а лестницей пользовались отнюдь не боги. В Доме жили рабочие, служащие и инженерно-технические работники – то есть «ИТР» «ящика», как образно и пренебрежительно называли в те времена номерные оборонные заводы.

Тот, которому присвоен был номер шестьдесят девять, работал на оборону страны не всегда. Когда-то он занимался изготовлением карет и находился в Москве. Потом, когда надобность в каретах отпала, но зато появилась необходимость в самолетах, заводу поручили перестроиться на производство шасси, учтя тот факт, что кареты тоже не обходились без колес, осей, втулок, рессор и прочих, важных для нормального движения предметов. В 1941 году, когда столице начала угрожать реальная опасность захвата ее немецкой армией, завод эвакуировали в относительно безопасный город Горький. Заводские корпуса в спешном порядке заставили строить немецких военнопленных. Рабочих же и весь другой обслуживающий персонал срочно поселили в свободный от постоянных жильцов дом – недавно построенное здание современной, по тем временам, и роскошной гостиницы...

Поселиться мне предстояло в одном из ее номеров. Посуществу весь дом был общежитием, но холостяков объединили в нескольких комнатах, по мнению администрации наиболее для них приемлемых. Общее количество этих комнат сейчас назвать не могу. Точно помню о существовании трех для мужчин и одной или двух для девушек. Имелись еще комнаты, где жили пожилые одинокие женщины. Во всех других комнатах размещались люди семейные, многие с детьми.

И вот в один замечательный осенний вечер после работы, не слишком обремененный своими весьма заурядными пожитками, я не очень решительно поднялся по необъятным просторам божественной лестницы на третий этаж Дома и вошел через широкую застекленную дверь-ворота в длинный коридор...

Если судить по неофициальному названию Дома, то кто-то при виде того, что открылось и моим глазам, расхохотался, и хохотал потом, не переставая... Я же, мгновенно представив себе, что мне среди всего этого отныне жить, внутренне слегка оторопел. Но эмоции были уже неуместны и бесполезны, и я, стараясь лапами своей солдатской шинели что-нибудь не задеть и не опрокинуть, осторожно двинулся по коридору к месту своего будущего жилья... Точнее, места жительства.

Привычно считать коридором прямолинейное пространство между двумя стенами и, соответственно, между дверями в них... Здесь же пространство коридора втискивалось

между стенами и тем, что стояло и лежало вдоль них, висело на них и болталось над ними в подвешенном состоянии... Все разнообразие предметов перечислить трудно, но выделялись среди них: допотопные керосинки и «современные» примусы, стоявшие почти возле каждой двери на табуретках, стульях, тумбочках и комодах, и еще на каких-то подставках; корыта, тазы, тазики, ведра и горшки, в их числе и ночные; стиральные доски, трёхколесные детские и двухколесные взрослые велосипеды; пеленки, распашонки, рубашки, штаны, штанишки и прочая одежда, а также постельное белье... От стены до стены под потолком натянуты разнообразные веревки и провода...

Коридор Дома, не по образцу современных, был широк и просторен. Вся перечисленная утварь умещалась в нем довольно свободно. Даже оставляя простор для перемещения проходящих людей. В некоторых местах можно было разойтись при встречном движении – настоящий проспект, а не коридор. Но он же – и кухня: здесь варили и жарили еду, кипятили чай. Здесь же играли и бегали маленькие детишки, громогласно давая волю своим эмоциям, от безмерно положительных до отчаянно отрицательных. Здесь же, случалось, громогласно выясняли между собой отношения и взрослые, и мирились, выяснив тем или иным способом. Здесь же курили... По этому же «проспекту, добирались до своих дверей подвыпившие и крепко выпившие обитатели, и удалялись в таких же состояниях их гости... Как бы невероятно не показалось, но, несмотря ни на что, не было ни одного случая, когда в коридоре что бы нибудь оказалось сбитым, разбитым, оборванным и опрокинутым и, помиловал бог, подожженным. Вспыхни пожар в таком коридоре – пройти сквозь него невредимым не удалось бы никому – второго выхода не имелось, а выпрыгивать из окон высоковато.

Благополучно добравшись до заветного номера сто восемьдесят седьмой комнаты, я облегченно вздохнул и ...обнаружил ее запертой. Подергав несколько раз за ручку, вежливо постучавшись, потоптавшись и не получивши никакого ответа, я решил, что никого нет дома... Точнее, в этой именно комнате – в таком Доме не могло просто случиться, чтобы совсем уж никого дома не было... Так оно и оказалось. Стук мой хоть и был вежливым, но заинтересовал соседей. Кто-то из них выглянул и посоветовал мне постучаться погромче и понастойчивее: обитатели, скорее всего, на месте, но просто отдыхают.

Отступать было совершенно некуда, и я принялся громыхать в дверь с решительностью обреченного. Занимался этим довольно долго. Даже усомнился в правоте соседа: не может нормальный человек, как бы он ни отдыхал, вытерпеть столько времени надоедливый и наглый стук в дверь... Но в конце концов за дверью послышался какой-то скрежет. Она приоткрылась и на темном фоне внутренности комнаты с выключенным светом показалась чья-то очень взлохмаченная и очень недовольная голова. Голова хмуро и вежливо поинтересовалась, какого черта я ломлюсь в дверь, мешаю добрым людям отдыхать и не хочу ли я получить по своей собственной голове. Отстранив голову на безопасное расстояние, я объяснил причину своей настойчивости. Объяснение хмурости у обитателя комнаты не убавило, но дверь открылась пошире и впустила меня внутрь моего нового жилища.

Оно оказалось просторным, с двумя широкими окнами. Утром выяснилось, что смотрят они на телевизионную мачту и на крыши старых, дореволюционных домов. В комнате стояли пять коек казенного образца. Одна из них, третья слева и вторая справа, отныне становилась моим «койко-местом». Возле коек стояли пять тумбочек-этажерок. Посреди комнаты стол. Еще один, «кухонный», возле стены, отделявшей комнату от коридора. На этом столе украшали его две круглые электрические плитки, довольно ржавой внешности. Еще имелось два шкафа для одежды. Несколько табуреток и стульев перечень мебелировки комнаты завершали.

От коридора комнату отделяла не стена, как таковая, а тонкая перегородка, напоминающая... застекленные двери. При внимательном рассмотрении можно было убедиться: да – это и есть самые настоящие двери. Причем застекленные. Только стекла окрашены белой

краской, а створки дверей заколочены. Сама же «комната» была когда-то вестибюлем, превращенным, в силу необходимости, в комнату общежития.

Даже при минимуме воображения легко себе представить степень «звукоизоляции» такой стены. Все коридорные шумы и громы проникали к нам в комнату в почти первозданном звучании. Этим и объясняется длительное отсутствие всякой реакции со стороны ее обитателей на мой стук и грохот: они просто думали, что это кто-то из соседей производит очередную хозяйственную работу. Дверь же была заперта во избежание случайного вторжения в безмятежную атмосферу отдыха какого-нибудь проходящего гражданина в подпитом состоянии.

По соседству со сто восемьдесят седьмой комнатой находилась комната под таким же номером, но с добавлением буквы «а». В ней, в таком же комфорте, как и мы, жили еще трое мужчин. Отделяла нас друг от друга тонюсенькая фанерная перемычка. Неоспоримое удобство этой перегородки состояло в возможности свободно, не напрягая голоса, в любое время дня и ночи вести с соседями задушевные, или не очень, беседы... Особенно впечатляли разговоры по ночам, когда кого-нибудь охватывало неодолимое желание рассказать новый, или кажущийся ему новым, анекдот непременно в то самое время, когда предполагаемый слушатель в соседней комнате только что заснул. Реакция слушателя нередко бывала отрицательной и бурной настолько, что вскоре все обитатели обеих комнат принимали участие либо в прослушивании анекдота, либо в обсуждении вопроса, что сделать с непрошенным рассказчиком оного... На нашем же этаже жили еще шестеро

или семеро холостяков. Их комнату, выходящую окнами на улицу Свердлова, украшал телевизор. С линзой для увеличения изображения на экране. В нашей комнате телевизора не было. Иногда мы приходили к ним в комнату посмотреть что-нибудь особенно интересное, обычно футбол или хоккей, но делали это не слишком часто – уважали их право на спокойный отдых.

Обитатели

А ребятам всем было уже за двадцать лет: кому больше, кому поменьше – с небольшой разницей, все отслужили положенные три года в армии, а один, служивший военным моряком, Юра Шурин, даже четыре с половиной – задержали демобилизацию. Приземистый крепыш, каких на Руси в древности называли ширяями за ширину плеч, с улыбочивым простодушным лицом, по-моряцки открытый и юморной – хоть в кино его снимай в роли «братишки». Боксер.

Образование у всех имелось от среднего и средне-специального до высшего. Некоторые учились: кто в вечернем техникуме, кто в институте, тоже в вечернем.

Соседняя с моей койка принадлежала начальнику химической лаборатории завода Володе Честнову. Он имел за плечами университет, работу на секретном предприятии, имевшем дело с радиоактивными веществами, смерть жены от воздействия этих веществ, и остеомиелит – незаживающую язву на правой ноге – тоже последствием общения с радиацией. Володя был высок, сутуловат, кудряв и задумчиво – печален... Он, кстати, однажды предупредил нас о внедрении на нашем заводе в производство фторопласта, выделяющего при нагревании от трения во время механической обработки на станках фтор, очень опасный и для здоровья, и для самой жизни даже при очень малой концентрации его в воздухе. Администрация завода и цеховое начальство о столь зловредных свойствах фторопласта «дипломатично» помалкивало. Может быть, потому, что опасалось протестов рабочих, может быть, просто «забыло»... Володя просил нас не распространяться о том, кто дал нам сведения о фторопласте.

Угловую койку слева от двери занимал Степан Крутицкий с Украины. Но, кажется, не украинец. Черноволосый, с ранней, и довольно обильной, сединой, худощавый молодой человек, внешне похожий на киноактера Алена Делона. Но не знавший об этом потому, что в нашей стране французский актер в то время известен еще не был. Степа был сиротой. Его родители и младший брат погибли во время немецкой оккупации Украины. Их расстреляли на глазах Степана. Сам он спасся, спрятавшись в бурьяне, и глядя из него на расправу со своими родными... Удивительно, но, рассказывая нам о солдатах-немцах, он говорил, что большинство из них выглядели хорошими людьми, по-доброму обращались с мирным населением... Было бы логично и оправданно, если бы он относился ко всем немцам, как к кровожадным существам. Но, видимо, свойства души не позволили ему утратить доброту и объективность. И все-таки, виденный своими глазами кошмар бесчеловечного убийства самых близких ему людей не мог бесследно пройти для его психики. Степана иногда посещали галлюцинации...

Однажды вечером, войдя в комнату, мы увидели спящего сном младенца Степу и в ужасе глядящего на него нашего товарища. Товарищ, Вася Далеков, сидел на своей койке с ногами, скрючившись и поджав колени к самому подбородку, чтобы занять в пространстве поменьше места и быть таким образом менее заметным. Он не спускал выпученных глаз со Степы и не шевелился. Расшевелив его и выведя из помрачения духа, узнали следующее.

Степа минут за двадцать до нашего прихода вот так же тихо спал себе и спал. А Вася так же тихо заучивал наизусть премудрости авиационной техники. И вдруг Степа резко поднялся на своей кровати и сел, к чему-то прислушиваясь. Вася тоже прислушался, но ничего, кроме шипения примуса в коридоре не услышал – на редкость тихий вечер выдался. Степа, между тем, встал и, крадучись, подошел к своей тумбочке, повернутой задней стенкой к углу комнаты. Постояв с минуту перед ней неподвижно, но напряженно, он медленно заглянул за нее и сказал угрожающе: «Что, тренируетесь?!.. Вот я вас сейчас перережу всех!» После этих слов бросился к столу, выхватил из него устрашающих размеров кухонный нож и дви-

нулся с ним к тумбочке. Вася, оторопело наблюдавший всю эту сцену, здраво рассудил: за степиной тумбочкой, конечно, никого нет и не было, и поэтому реальным объектом для «всех перерезывания» может стать только он – Вася Далеков, не тренировавшийся и ни в чем другом не повинный. Стараясь не шевелиться, не моргать и даже не дышать, Вася боялся хоть как-то привлечь к себе внимание явно спятившего Степы... Но тот внезапно остановился, посмотрел удивленно на нож в своей руке, положил его обратно в ящик, лег на кровать и продолжил свой праведный сон как ни в чём ни бывало, оставив Васю один на один с самим собой.

Пораженные и, признаться, испуганные услышанным, мы нервно закурили и принялись обсуждать событие. Кто-то вспомнил о лунатизме. Но кто-то возразил: лунатики на то и лунатики, чтобы гулять себе на крышах под луной, тихо и мирно, никого ни в каких тренировках не уличая и ни на кого по этому поводу не покушаясь. К тому же и луны на небе нет, что и было удостоверено посредством выглядывания в окно... Кто-то поинтересовался: не пьян ли Степан. Ему возразили: Степа выпивкой не увлекается. Кто-то предложил обратиться за помощью к психиатру. Предложение звучало дельно, но его не поддержали: наяву Степа никаких отклонений от нормы не демонстрировал, за тренирующимися не гонялся и вообще оставался своим парнем... Так ничего и не решив, легли спать. Предварительно спрятав все режущие, колющие и ударяющие предметы и посоветовав никому и ни в чем не тренироваться... Спали в полглаза. Наутро Степан ничего такого не помнил, на внешний вид, только удивлялся: куда запропастились все ножики – нечем хлеба отрезать... Мы помалкивали.

В соседней комнате жил – поживал, без дальнейшей присказки про наживание добра, Коля Петров, бывший шахтер с Донбасса. Мы, судившие о шахтерском труде только по популярному фильму «Большая жизнь», поначалу недоумевали: почему он покинул столь благодатный край, героическую профессию, «девушек пригожих», тихую песней всех встречающих, и высокую зарплату, о которой сам же и говорил. Но Коля доходчиво объяснил: героизм на шахтах неразлучен с авариями и с гибелью рабочих. Гибелью частой. И совсем не героической. Ни на какие высокие зарплаты новую жизнь себе не купишь. Утратив же прежнюю, ни в каких деньгах уже не нуждаешься. А слова песни, где говорится о девушках, шахтеры поют так: «девушки пригожие – на чертей похожие...» Насчет похожести женского пола на чертей мы только посмеялись, а все другие доводы приняли с пониманием.

Самой достопримечательной, известной и почти легендарной личностью нашего общежития был Алексей Шишкин. Или просто: Лешка Шишкин. По возрасту и героическому прошлому он заслуживал более уважительного обращения – по имени и отчеству. Но... Сумма прожитых им лет приближалась к сорока. Алексей был участником Великой Отечественной войны. Штурмовал Кенигсберг. Напиваясь пьяным, а происходило это регулярно и последовательно, он скрежетал зубами так громко, что этот жуткий звук проникал сквозь стенку в нашу комнату. Поскрежетав, он горестно и отчаянно кричал: «Эх! Зачем я не погиб под Кенигсбергом!..» Шишкин произносил эту фразу всегда, когда доводил себя «до кондиции» и по ней его безошибочно опознавали на расстоянии... Наверное, была у него какая-то драма или трагедия в жизни, заставлявшая его сожалеть о том, что остался в живых. И трагедия страшная. Но о ней мы не знали. Шишкин о деталях своей биографии не рассказывал, а только лишь жалел, да жалел, что не погиб под Кенигсбергом... Была у него и самая любимая песня:

«Выпьем за тех, кто командовал ротами,
Кто замерзал на снегу,
Кто в Ленинград пробирался болотами,
Горло ломая врагу...»

Выпивал за них Алексей часто и обильно. Во хмелю, впрочем, как и в трезвости, был безобиден и добродушен. Своеобразно юморил. Так, как-то вечером его друзья – собутыльники, видя, что он явно не в состоянии самостоятельно подняться по лестнице и дойти до своей койки, подняли его и донесли буквально на руках с первого на третий этаж. Но возле своих дверей Шишкин вдруг встал на ноги, вежливо поблагодарил своих носильщиков и с достоинством закрыл перед их носом дверь. Те, осознав подлый обман, рванулись было за ним для выяснения отношений, но затормозили, увидев перед собой несколько дюжих фигур, готовых к любым выяснениям, и среди них – свою хохочущую ношу.

Трюк Леше понравился, и он повторил его уже с другими друзьями. Со стороны это выглядело так. Мы сидели в своей комнате, коротая время за мирным вечерним чаем, сигаретами и беседой. Кто-то постучал в дверь, приоткрыл ее и спросил, здесь ли живет товарищ Шишкин. После полученного положительного ответа из-за двери донесся мерный счет вслух: р-раз, д-два... На счет «три» из дверного проема вылетела чья-то фигура и, описав короткую, но крутую траекторию, грянулась об пол. Траектория и фигура принадлежали нашему добрейшему Леше Шишкину, на это раз действительно мертвецки пьяному... Вынос тела и перенос его в соседнюю комнату состоялся более бережно, чем вбрасывание, при помощи его товарищей по комнате.

Жаль, но ничем иным, кроме пьяных подвигов, Шишкин не запомнился. Мы, хоть и посмеивались над ним, но жалели его и сочувствовали. Ему, в наших юных глазах пожилому человеку, участвовавшему в боях за родину, нужно бы иметь свою квартиру, а не «койко-место», и жену с любящими детьми. Тем более, что окончательным пропойцей Шишкин не выглядел и не был. Но человек не имел ни того, ни другого. Работал Алексей Шишкин на заводе технологом и считался по своей профессии лучшим.

В одной с ним комнате жил Костя Чиков. Очень положительный, очень вежливый, очень спокойный человек с очень масляными черными, как у «лица кавказской национальности», глазами. Но только «как», потому что национальность имел самую что ни на есть русскую – из коренного нижегородского крестьянского рода. Костя оканчивал вечерний политехнический институт. Выпивал редко, умеренно, буквально только по праздникам, женщин к себе не приводил и не ходил к ним. То есть, был очень положительным товарищем, приятным во всех отношениях, не ронявшим ни «чести, ни совести нашей эпохи», будучи членом КПСС, единственным и неповторимым во всем нашем общежитии.

Часто заходил к нам в гости сосед Иван Никанорович Слепышев, обсудить какую-нибудь важную политическую проблему вроде покушения на президента Соединенных Штатов или победы революции на Кубе. Никанорыч имел жену, детей, почтенный, за сорок лет, возраст, лысину и страсть играть в шахматы. Работал он в механическом цехе слесарем по обработке металла высокой квалификации. Очень гордился и профессией своей, и квалификацией. По субботам, если острая производственная необходимость не призывала его на любимое рабочее место, Никанорыч устраивал себе небольшой праздник: вечером мылся в бане на улице Новой, после чего выпивал бутылочку портвейна «Три семерки»...

Эта процедура неизменно приводила его в состояние благодущия и пробуждала творческие силы. Слепышев ощущал острую потребность немедленно свершить подвиг. Он заходил в нашу комнату и вызывал нас на поединок. Разумеется, шахматный. Переиграли мы с ним все, оптом и в розницу. И знали одно его коварное свойство: он не мог уйти спокойно после проигранной партии. Если такое случалось, а такое случалось частенько, Никанорыч плохо спал ночью, а с раннего утра громыхал в дверь, требуя немедленного реванша. Выход напрашивался один: проигрывать ему последнюю партию нарочно – в целях милосердия. Но бдительный Никанорыч подвохи замечал, обижался и настаивал на честном бое. Тогда оставалось другое – не играть с ним совсем. Иван Никанорович обижался еще больше и начинал тихо страдать... Чаше всех не выдерживал его несчастного вида Володя Чест-

нов и с деланно бодрым видом садился за игру. Постепенно игра захватывала и его – тоже заядлый шахматист был – сражения затягивались часто до глубокой ночи. Затем Володя с чувством выполненного долга спокойно ложился спать, а чувства Никанорыча зависели от исхода последней партии, а от этого зависела продолжительность нашего утреннего сна – чуть свет он почти деликатно стучался в дверь и требовал «продолжения банкета», то есть, игры...

На одном этаже с нами и, соответственно, в одном коридоре, жил с семьей лучший токарь завода Абрам Исаакович Улитский. Мы с ним работали в одном цехе, и я его достаточно хорошо знал. Это был действительно лучший токарь завода, умный, интеллигентный рабочий человек. Излишне уточнять, что он был евреем – это сразу видно по его инициалам. Качество изготавливаемых им деталей отличались безупречностью. Все операции выполнялись им четко, точно и с высокой производительностью труда. Он внес немало рационализаторских предложений. Но вот не помню, чтобы он имел какие – либо правительственные награды. Не помню потому, что не видел их. И не слышал о них ни от него самого, ни от кого-нибудь другого.

Был у нас в цехе другой передовик производства, применялся тогда такой термин – Сергей Бодряков. Его большого формата портрет с изображениями множества орденов и медалей за доблестный труд, гордо смотрел на проезжающие мимо машины с «Доски почета» у «Дворца спорта». Кроме большого парадного портрета Бодряков имел и немалые амбиции. Токарь он был отличный, но не брезговал допускать в работе и брачок. На замечания реагировал болезненно остро, сильно волнуясь и возмущаясь теми, кто ему эти замечания делал. Но он имел ордена. И квартиру, что, пожалуй, даже более существенно. Улитский не имел ни того, ни другого.

Нам это было непонятно. Ежедневно мы слышали по радио о том, что в СССР почетен труд и высока забота партии и правительства о благосостоянии трудящихся. Но особого благосостояния в нашем коридоре не наблюдалось. В том числе и у лучшего токаря. Возможно, наблюдать мешали развешенные тут и там пелёнки и простыни.

Спустя лет пятнадцать, уже уволившись со ставшего мне действительно родным завода, я вспомнил о лучшем токаре завода. В «Литературной газете» опубликовали письмо своим родным в СССР человека, ухитрившегося каким-то образом в конце семидесятых годов двадцатого века эмигрировать в Англию. Человек по специальности тоже был токарем. В письме он писал, что, проработав полтора года на заводе, в Англии, приобрел дом, машину себе, машину жене и мотоцикл сыну... Но тоскует по родине...

Вот такая публикация появилась в нашей советской прессе непонятно с какой целью – без цели в те годы наша пресса не публиковала ничего. Скорее всего, наверное, хотели продемонстрировать: вот, дескать, уехал человек, бросил родину свою, блага материальные получил, а все же тянет его обратно. Но читатели обратили внимание на другое. Нас поразило то, что простой рабочий в капиталистическом обществе, где его – выходца из Советского Союза, неминуемо должны были немедленно начать немилосердно эксплуатировать те, кто там один другому волк, за каких-то полтора года стал владельцем дома и целого парка техники. Стал сам чуть ли не «буржуем», в нашем понятии. А лучший советский токарь имел только комнатенку с выходом в общий коридор, никакими другими благами не обладая, проработав на заводе свыше двадцати лет.

Кроме еврея Улитского в нашем цехе работали на станках еще два его соплеменника: Аксельрод и Мойсин. Первый – уже в годах, а второй, Боря Мойсин, молодой парень Оба – прекрасные специалисты. При случае любили рассказывать потешные и язвительные анекдоты о евреях. Надо сказать, что таких анекдотов от них слышалось больше, чем из других источников. Между прочим, когда я рассказываю о том, что в заводском цехе трудились простыми рабочими евреи – это само по себе воспринимается, как анекдот: не может, мол,

такого быть. Но это действительно было. Никто: ни рабочие, ни начальники, ни коим образом не выделяли их из общей массы коллектива, относились к ним с уважением, как к мастерам своего дела и хорошим людям. Когда один из них попал в беду, рабочие вступились за него.

Случилось это с Борисом. Состоял он, как водится, в комсомоле и занимался там не только тем, что платил членские взносы, но и был активным членом дружины по охране общественного порядка. Эти дружины в то время только начинали создаваться, и работа в них считалась делом почетным и престижным для комсомольцев. Борис занимался еще и боксом – делом весьма нелишним при возможных схватках с хулиганами. Особенно удавался нашему Боре хук справа...

Однажды комсомольская организация цеха устроила субботний вечер отдыха в заводском «красном уголке». «Уголок» был обширным – сотня человек в нем умещалась свободно и можно было даже танцевать. Находился он в том же бараке, где и отдел кадров завода. Натанцевавшись, несколько рабочих вышли покурить в коридор. Среди них и Боря Мойсин. Кто-то вынул пачку хороших сигарет – страшный дефицит по тем временам, и начал угощать всех, рядом стоящих. Потянулся к пачке и Борис. Но угощающий вдруг отстранил его руку, спрятал сигареты и сказал: «А ты пошел отсюда вон, дружинник е...й». Боря не раздумывал: страшный удар в челюсть хуком справа швырнул оскорбителя в угол. Борис вытер руку платком и ушел танцевать.

На его беду мать ушибленного хуком оказалась инструктором райкома партии, а челюсть его дала трещину. Мамаша подала в суд. Перспектива – заключение в зону. Предварительно Бориса исключили из комсомола. Была тогда такая «добрая традиция» – комсомолец не мог стать заключенным. Но все рабочие, знавшие о деталях происшествия на вечере отдыха, считали Бориса правым: он ответил на оскорбление по-рабочему достойно. На комсомольское собрание, где мы должны были осудить поступок нашего товарища и приговорить его к исключению из славных рядов ленинского комсомола, рабочие отобрали тех, кто смог бы защитить его. Как очевидцу инцидента, доверили защиту справедливости и мне. Но ничего доброго из наших усилий не получилось. Нам не позволили даже взять его на поруки трудового коллектива – практиковалась в те времена такая мера воспитания...

Потом мы узнали: мать пострадавшего наглеца настаивала на осуждении Бориса. Не будь она чиновницей партаппарата, он бы мог отделаться пятнадцатью сутками принудительных работ. Но требования ответственного партийного работника не могли быть не удовлетворены. И Борю упекли на два года зоны. Он их и отсидел от звонка до звонка. А с тем, по чьей фактической вине это произошло, рабочие перестали здороваться и разговаривать. Вскоре он с завода уволился. Надо полагать, в жизни преуспел...

«Габер-суп»

Однажды, в ходе организованного редакцией телевидения диспуте, некий видный, известный, маститый и очень уверенный в своих мнениях профессор высказался о взаимоотношениях в человеческом обществе, сделав из своих слов вывод: в нем не может быть равноправия потому, что его не может быть никогда. Для наглядности он сравнил ячейку человеческого общества со стаей животных, собак, например. Предварительно вежливо извинился за такое сравнение. Потом продолжил, вернувшись снова к людям.

По его мнению, в любом случае, когда собирается группа, хотя бы человек пять, то вскоре из них обязательно выделится один лидер, кто-нибудь непременно окажется «опущенным», трое других в той или иной степени станут близки к лидеру и все будут перед ним лизоблюдничать... Изрекалось это в советское время по советскому же ТВ – иного быть и не могло.

Теоретические выкладки, украшенные образными примерами и авторитетными титулами их излагающих, смотрятся эффектно и убедительно. Возможно, их авторы опираются и на свой личный опыт. Многое зависит и от круга общения. О себе могу сказать так: во время всей моей жизни в общежитиях мне ни разу не пришлось оказываться в таком обществе, где бы властвовали собачьи или волчьи законы.

В нашей комнате Дома «ха-ха» совершенно случайно собралась и годами жила вместе группа как раз из пяти человек различных профессий, разного служебного положения, различных характеров и не одинаковых индивидуальностей. В этом смысле равенства среди нас не было. Но в то же время не имелось ни лидера, ни «опущенного», ни лизоблюдов. В нашем маленьком обществе не потерпели бы ни первого, ни второго, и ни в коем случае третьего. Может быть, потому, что никаких даже намеков на карьеристские устремления у нас просто не могло и быть: какая может быть в общежитии «карьера»? Мы были свободны друг от друга и в то же время связаны друг с другом одним местом жительства – одной комнатой. Она объединяла нас не только ограниченным жизненным пространством, но и во многом духовно: мы чувствовали себя одной семьей. У нас не было другого выхода, если мы хотели жить между собой в ладу и спокойствии.

Несмотря на существенные различия в характере, между нами не было ссор. Во всяком случае, не припоминается ни одного случая, который можно было бы расценить как скандал. Это не значит, разумеется, что мы жили в идеальном и полном единодушии – мы и спорили, и не соглашались друг с другом, но именно как друг с другом, а не как враг с врагом. Противник в споре не всегда превращается во врага в жизни. Наверное, мы жили дружнее, чем многие настоящие семьи, где людей связывают, или должны связывать, взаимные симпатии и чувства. Наши женатые товарищи по работе, «женатики», как мы их называли в своем холостяцком кругу, приходили к нам излить душу и поплакаться в жилетку. Они, пораженные горем, рассказывали о бессмысленных скандалах и «сценах» в своих семьях... Мы им сочувствовали, успокаивали и ужасались. Их рассказы, и иллюстрации к ним, которые мы видели и слышали в нашем знаменитом коридоре, внушали нам ужас при мысли о том, что и нас вполне может ожидать такая же жуткая участь, если, помилуй господи, женимся и мы...

В нашей же общежитийской семье властвовали душевный мир и «благоволение в человеках». Нам не в чем было друг друга серьезно упрекнуть. Мы не ревновали, естественно, друг друга и не уличали в мнимых или реальных попытках коварной измены. У нас, слава богу, не имелось в багаже ни жен, ни тещ, ни тестей, да и багажей, как таковых, не имелось тоже. Мы даже бравировали этим. Нет – мы не давали обета вечного безбрачия. В перспективе у каждого из нас смутно брезжил весь «джентльменский набор» родственников, поло-

женных женатому мужчине, но мы не торопились его приобретать. Самоцелью это не было во всяком случае.

Общежитие стало нашим домом, с абсолютной полнотой оправдывая смысл своего названия: общежитие – общее житье, общий быт. Его привычки вольно или невольно впитались в наше существо и сказывались в той или иной степени, в том или другом в течении всей последующей жизни. Были среди этих привычек и хорошие, а таких оказалось немало, были, разумеется, и плохие – с точки зрения наших жен...

В общежитиях жили и многие из студентов. Но наш общий быт имел от студенческого несколько различий. Первым бы я назвал продолжительность проживания в общежитии. У студентов она заканчивается одновременно с окончанием учебы: закончил институт – прощай студенческое общежитие. Длительность обитания в рабочих общежитиях ограничений не имела. Мое, например, затянулось на восемнадцать лет... С течением времени этот факт стал чуть ли не предметом моей гордости: редко встретить можно такой экземпляр общежитейца. Впрочем, в нашем веселом доме прямо из общежития ушли на пенсию по возрасту несколько одиноких женщин... Лишь после этого им выделили по комнатенке в каком-то «жилфонде», кажется в «малосемейке», то есть – тоже по существу в общежитии. До пенсии нам в то время было еще далеко, но впечатление от того, что люди, проработав всю жизнь, так и не смогли ни получить, ни купить себе квартиру, действовало удручающе. До сих пор внутренним мысленным взором вижу горестно растерянные лица этих пожилых женщин

От студенческого наш общий быт отличался также и тем, что учащиеся уходят и приходят в свои комнаты приблизительно одновременно: ушли на учебу – пришли с учебы. Мы же работали в разные смены. Когда занятым в первую, утреннюю смену, начинавшуюся в шесть часов сорок пять минут утра, пора было полноценно восстанавливать свои силы сном для доблестного труда – приходили с работы те, кто отстоял у станков во вторую, вечернюю, смену... Утром вторая смена еще сшила себе разнообразные сны, улегшись спать где-нибудь около часа ночи, а уже поднималась первая смена; кипятила чай, разговаривала, одевалась... И невольно будила своих товарищей. Но хуже всех приходилось третьей смене, ночной. Возвращалась она с завода около семи часов утра, измотанная ночным бдением и работой в то время, когда организм справедливо требует себе сна. Ложилась спать... Но в то время, когда ей удавалось заснуть, наконец, поднималась ото сна вторая смена... День стоял на белом свете, женщины в коридоре, свободные до своей второй смены, стирали, готовили еду, болтали, возле них бегали, голоса, ребятишки... Все эти звуки социалистического общежития свободно проникали в нашу комнату. Выспаться и восстановить в таких условиях свои силы было невозможно. К концу недели казалось, что в голове каким-то образом оказался песок, заменив собой все, ранее там находившееся, который сыплется из глаз, а также и из других частей организма. Человека, отработавшего третью смену в течение недели, можно было безошибочно определить по внешнему виду.

Питались разнообразно. В смысле разнообразия способов питания... Утром – сладкий чай или просто сладкая вода с батоном. Иногда кефир. Холодильников у нас не имелось. Мы даже не знали, что это такое. Поэтому продукты, требовавшие более или менее длительного хранения, нами не употреблялись. Мы почти сразу же съедали все, что покупали. Варили пельмени, если удавалось их «достать». Пельмени предпочитались нами не столько потому, что мы их безмерно обожали, а потому, что не имелось никаких проблем в их приготовлении: налил воды, вскипятил, всыпал пельмени – через пять минут поглощай готовый продукт в своё удовольствие. Но иногда готовили даже суп...

Вот в этом сложном деле, требующем искусства и навыков, мы выступали новаторами. Таких блюд не изобретали даже высшего профессионализма специалисты – повара экстра-класса, ручаюсь. Самым элементарным считалось у нас варить, как уже говорилось,

пельмени. Но бывало, варили и не элементарно, добавляя в «бульон», то есть в воду, рожки или картошку – для увеличения количества еды, ее калорийности и плотности наполнения. Вершиной нашего поварского творчества стал «фрезер-суп». От слова фреза – режущий металл инструмент такой. Нет, мы не клали его в суп вместо топора, как тот солдат. Рецепт супа помню до сих пор: капуста свежая и капуста квашеная, вермишель или рожки (можно и то, и другое одновременно) – по вкусу, картошка, тушенка – не важно какая, лавровый лист – как же без него, и подсолнечное масло... Ну, соль – это уж само собой. Все компоненты – в произвольной пропорции. Обрабатывать сталь сим варевом мы не пробовали, но в свои внутренности допускали с удовольствием и без всякого для них ущерба... Желающие могут попробовать сварить суп и по следующему рецепту. Это рецепт «габер-супа». Технологию приготовления этого блюда я уже подзабыл, но помню, что это была адская смесь из мясных и рыбных консервов, заправленных какими-нибудь крупами и макаронными изделиями с добавлением сливочного и постного масла, а также того, что имелось под рукой в момент приготовления... А еще мы жарили помидоры с огурцами и картошкой... Язвой желудка заболел только один Коля Петров, бывший шахтер. Но мы объяснили это себе, и ему, слишком большим количеством в его утробе... угольной пыли: она – материал вездливый

У многих из нас в разных районах Горьковской области жили родители. Мы по выходным дням, если не работали, ездили их навещать, привозя с собой от них продукты. Часто употребляли их для воплощения своих кулинарных фантазий вскладчину – отсюда и появилось разнообразие их вариантов... Готовили еду на двух маленьких электрических плитках. Естественно – в этой же комнате.

Мы, Юра Шурин и я, питались вскладчину: каждый вносил свой пай. Брали деньги из общей суммы только на еду. Хранили свою заначку под матрасом и никогда не возникали опасения за их сохранность. Слова о том, что деньги из общего пая шли только на еду, требуют некоторого уточнения: на другое их почти не оставалось. Кормились мы еще и в столовых: в заводской, самой дешевой, и в «нашей», как мы считали – в «Доме «ха-ха». К концу месяца, перед зарплатой, денег часто на столовые уже не хватало. Впрочем, не только на столовые, но и на еду вообще. Иллюстрацией того, насколько «полноценно» мы питались, может служить мой личный пример. При росте сто семьдесят восемь сантиметров я весил шестьдесят килограммов. Врачи уверяли меня в том, что я такой худой просто в силу особенностей моей анатомии – такая уж у меня «конституция» организма: сколько бы не ел – все равно останусь навсегда тощим. «Не в коня корм» – так мне и говорили. И наотрез отказывались верить тому, что в армии я весил девяносто килограмм без признаков жира...

Купить себе что-то из одежды являлось проблемой очень серьезной. Порой неразрешимой. На работу многие ходили в военной форме со снятыми погонами. Шинель зимой была самой надежной защитой от мороза. Носил я ее поверх того штатского, что у меня имелось. На костюм, стоивший сорок рублей, я копил деньги несколько месяцев, отчаянно боясь того, что в тот момент, когда я их, наконец, накоплю – костюмы эти исчезнут из продажи, оставив меня с носом. Не исчезли, слава богу, и нос уцелел. Успел. Купив, был почти счастлив. Почти потому, что костюмец не вполне удовлетворял мой вкус: темно-зеленые брюки и серо-бурый, хорошо без малинового, пиджак. Покупали мы далеко не всегда то, что нравилось, а то, что было по карману, нередко дырявому, как в песне про «чубчик кучерявый». Но зато каждая покупка становилась событием. До сих пор помню где, что и почему покупал. Как-то наш товарищ съездил на свою далекую родину Украину похоронить умершего родственника. Вернулся в не новом, но хорошем добротном голубом пальто – получил в наследство... Повезло человеку.

Когда сейчас пишут о том, какие большие деньги получали на оборонных заводах – чуть ли не лопатами огромными гребли – я вспоминаю нашу жизнь в «Доме «ха-ха» и наши

«большие» заработки. Самое острое чувство, болезненное чувство, которое я в те годы испытывал – чувство несправедливости по отношению к нам – работающим на заводе. Своему делу мы отдавались полностью. Не ленились. Не прогуливали. И не могли себя обеспечить даже самым необходимым. Вместо того, чтобы помогать своим родителям, мы наоборот – брали у них продукты, выращенные ими на своих огородах...

Это было унижительно для мужчин. Но мы терпели. И одной из наших любимых песен была песня со словами «жила бы страна родная и нету других забот»... И еще мы слушали от наших идеологических руководителей, что деньги в нашей стране «не играют никакой роли»... Не верилось. Особенно когда не на что было сходить в столовую... Да, на заводе трудились высококвалифицированные рабочие, получавшие высокую зарплату. А мы были молоды и еще не успели еще достичь наивысшего мастерства в своих профессиях. Но ведь существовали и такие профессии и должности, где и при любой квалификации выше должностного оклада было не подняться.

Взяли меня на завод учеником токаря. Платили ученику тридцать рублей в месяц. В учениках держали, бывало, до года – не хватало станков. Прожить на тридцать рублей в месяц можно. Во всяком случае именно в этом убеждал меня один из администраторов цеха, когда я осмелился утверждать обратное. Но не убедил. Продолжая сильно сомневаться в своих способностях беззаботно прожить целый год на свои «тридцать серебряников» в месяц, утешая себя мыслью о никчемности денег в нашей замечательной стране, я с радостью пошел на освободившуюся вакансию контролера бюро цехового контроля. Там мне стали платить аж целых сорок рублей. Квалификацию свою я повышал довольно быстро, но даже при высшей ее ступени оклад составлял только девяносто рублей в месяц.

При жизни в «Доме ха-ха» я получал «чистыми», то есть после всех вычетов, на руки около пятидесяти рублей. Это было начало шестидесятых годов XX века.

В день я не мог позволить себе потратить на еду более полутора – двух рублей. А ведь нам еще и на танцы, и в кино надо было сходить... И покурить... Кстати, о куреве. Мы достоверно установили: курево отбивает аппетит и способно заглушить чувство голода. Вот эта способность ценилась нами перед получкой более всех других достоинств табака. Деньги необходимы были и для общения с девушками... Часто это было гораздо важнее, чем еда – на ней мы и экономили. На чем еще нам оставалось экономить.

Но мы никому не завидовали. Правда, и круг нашего общения к зависти не располагал: все наши знакомые были примерно такой же степени достатка, что и мы.

Мы... Речь идет не о каком-то особом чувстве коллективизма, и не о том, что мы сообщая «шли семимильными шагами к светлому будущему всего человечества». Кстати сказать, мы на эту тему не разговаривали никогда. Непопулярна была у нас эта тема. Нам нравилось быть вместе не только в комнате, но и на прогулках по городу, и на вечерах отдыха. Не наблюдалось у нас психологической несовместимости. Мы не надоедали друг другу, предпочитая совместное времяпровождение индивидуальному, если, конечно, это не касалось встреч с женщинами. В этих делах сохранялась строгая индивидуальность... Но мы знали по именам всех, с кем встречались наши товарищи. При неудачах сочувствовали и сопереживали вместе с пострадавшим, а если надо – то и утешали по-мужски сурово, но добро, не давая делу доходить до скупых мужских слез... Жили, как братья. Привыкли говорить о себе – мы: мы пошли, мы хотели, мы решили, мы – за или мы – против. И говорили это с гордостью: каждый самостоятельно и все вместе.

Все-таки, жизнь в общежитии сказала на нас больше в лучшую сторону. Мы привыкли к самостоятельности и независимости во всех отношениях, привычны обходиться без нянек и опеки при любых обстоятельствах. После употребления своих «габер» и «фрезер» супов – неприхотливы к еде. Привыкли ограничиваться минимумом потребностей. И главное – не завидовать никому, ничему и никогда.

Работа

Завод работал в три смены. Но и этого времени все равно то и дело не хватало для выполнения планов. Приходилось систематически трудиться сверхурочно и часто – в выходные дни. Мы так и шутили: «Что такое выходной день? Это день выхода на работу». Администрацией завода вовсю применялось то, что почти официально называли штурмовщиной. Обитатели «Дома «Ха-ха» принимали в ней самое прямое и непосредственное участие.

Работу завода все-таки можно было назвать ритмичной, и без кавычек, потому что ритм действительно имелся. Специфический. В начале каждого месяца почти полный паралич всего производства. Затем начиналось медленное восстановление сил, с каждым днем становившееся все интенсивнее. К середине месяца ритмы работы цехов напоминали лошадь, идущую шагом. Затем шаг переходил на рысь, а к концу месяца «лошадь» уже мчалась галопом во всю прыть и даже сверх нее. Цеха, как несущуюся по кочкам телегу, начинало трясти от лихорадки, сумятицы, истерики, авралов и всего того, что и составляло штурмовщину. Её существование признавалось и официальными лицами, иронизировавшими на ее счет: «в начале месяца – спячка, в середине – раскачка, в конце месяца – рвачка». И так – все двенадцать месяцев в году: чем не «ритмичность»?..

Происходило все это отнюдь не от лени и безалаберности. Имелись и объективные причины, от заводов собственно не зависевшие. Но штурмовщина была и следствием самой штурмовщины. «Спячка» в начале месяца являлась естественной реакцией живых организмов на чрезмерное перенапряжение в течение последних дней десяти месяца, изматывавшего людей до нервного и физического изнеможения. В моем дневнике есть записи, детально описывающие штурмовую «организацию труда». Она доводила людей до сердечных заболеваний и приступов. Люди часто работали по две смены подряд без сна и отдыха, включая и ночное время... При этом необходимо было строго соблюдать трудовую дисциплину – куда же без нее. Хоть драконовские законы о ней были уже отменены, но на оборонных заводах за дисциплиной следили строжайше.

И вот какой-нибудь слесарь по механической обработке металлов очень интенсивно детали металлические пилил, полировал и всячески доводил до нужной кондиции с трех часов дня (вторая смена) до шести часов утра – ради его величества плана трудясь. Оттрудившись таким образом, тащился в свой «Дом «ха-ха». Но не похихотать на досуге, а отдохнуть, по мере возможности, потому что ровно к трем часам сего же дня ему надлежит быть на работе и без каких бы то ни было опозданий. Но измотанный организм не среагировал на будильник, и славный труженик социалистического производства на работу все-таки опоздал... Не то, чтобы она окончательно ушла до его прихода, а просто он приступил к ней позднее на какое-то время, и впереди ему светило работать так же доблестно еще часов двенадцать подряд. Но дисциплину, как бы то ни было, он нарушил. И на следующий день он сам и его товарищи могли видеть на доске объявлений родного цеха висящий плакат:

«Позор нарушителю трудовой дисциплины такому-то!» Не спасибо за то, что все силы производству отдал, а «позор». По административной и идеологической логике следовало, что вот из-за таких «нерадивых» штурмовщина и бывает...

Самыми напряженными были месяцы «квартальные», то есть те, которые приходились на конец квартала: март, июнь, сентябрь и, конечно, декабрь. Декабрь – пик всего года и конец всего. Года, имеется ввиду... Начальники цехов и участков, сменные мастера работали в цехах по двенадцать часов подряд. Часто в цехах и ночевали. Бывал – встречали в цехе и Новый год. Бывали случаи – уходили со своих руководящих должностей добровольно, не дожидаясь трагических исходов – не выдерживали перегрузок.

Так, например, поступил наш товарищ из «Дома «Ха-ха», молодой специалист, окончивший авиационный техникум. Для «вытягивания» плана то и дело работал на своем участке по ночам, доводя свою молодую жену до иступления постоянным отсутствием дома. Видимо, она ему поставила ультиматум: я или завод. И он выбрал её. Проявил несознательность. Зато сохранил семью и свое здоровье.

Естественно, после запредельных напряжений люди в течение нескольких дней нормально работать просто не в состоянии. Кто мог и кто хотел, брали на первые дни месяца отгулы. Некоторые не брали. Отгулы полагались за работу в выходные дни, но тогда терялась двойная оплата за работу.

Изнашивались не только люди, но и техника. В нашем цехе, ведущем цехе завода, где изготовлялись самые крупные и точные детали, работали станки, имеющие весьма почтенный для станков возраст – более двадцати лет. (Было известно, что «загнивающий» запад меняет станки на своих «отсталых» заводах не позже, чем через пять лет.) Шло много брака. Не было, практически, ни одной партии деталей, чтобы их не возвращали на доработку. Составлялись так называемые «дефектные ведомости». Списки этих ведомостей насчитывали десятки пунктов. На доработку детали возвращались по несколько раз. Все это требовало дополнительных затрат времени, сил и нервов. И средств, увеличивая себестоимость продукции.

Причин большого брака хватало: здесь и изношенность станков, и их несовершенство, и недостатки технологий, и, безусловно, – злая мачеха штурмовщина. Усталые, взвинченные люди просто не могли качественно работать в конце месяца.

Иногда на эти доводы слышатся возражения: а вот, дескать, во время войны как люди работали – тоже ночами, и спали у своих станков. Но то в военное время, когда люди своим трудом спасали страну от захватчиков, знали, что от их труда зависит победа на фронте. И потом они знали, что после победы наступят мир и облегчение – ради этого можно и поднапрячься, сколько потребуется для победы. Да и требовательности к качеству особо не требовалось – самолёты сбивали и с качественными деталями... Но мы трудились в мирное время. И такой «ритм» сохранялся во все время, моей работы на заводе – шестнадцать лет...

Когда начался не шуточный конфликт с Китаем в шестидесятые годы, газета «Правда» опубликовала официальное письмо китайской стороны. Сторона китайская перечисляла стороне советской свои претензии. Одна из них касалась качества продукции, поставляемой советской стороной китайской стороне. Китайцы утверждали, по пунктам: качество это из рук вое плохое. Наша сторона не менее категорически доказывала, что это наглая ложь и злостная клевета на безупречную советскую продукцию...

Я потому и запомнил этот пунктик, начисто позабыв все остальные, что, прочитав его, подумал: а не нашего ли цеха продукцию имели ввиду злостные китайские клеветники?... Дума имела основание. Однажды мой непосредственный начальник приказал мне поставить мой личный знак приёмки качественной детали самолёта на давно окончательно забракованные детали. Я отказался. Тогда он лихо отбарабанил свое личное клеймо на деталях, взятых из изолятора окончательного и бесповоротного брака, удостоверяя сим клеймом их «отличное» качество. На мой совершенно обалделый вопрос последовал беззаботный ответ: «Не бери в голову – это все равно в Китай».

Был случай, когда вдруг исчезла большая, сложная, новейшая деталь новейшего самолета. Пропала, как и не было ее никогда. Но она все-таки была, о чем свидетельствовали документы и воспоминания администрации цеха. Но исчезла. Ее искали несколько дней, даже, помнится, с помощью компетентных органов. Однако их компетентность на сей раз оказалась бессильной. Секретная деталь секретного объекта канула хуже, чем в воду. Присшествие оказалось чрезвычайным и загадочным. Деталь была такого размера, что ее не могли ни пронести незаметно через тщательно охраняемую заводскую проходную, ни

перебросить через забор. Да и кому она в то время могла понадобиться – в то время пунктов приема ценных металлов не существовало... Лишь спустя довольно долгое время чисто случайно довелось узнать: деталь из цеха никуда не выносили. Она до сих пор находится на его территории... Дело было ночью. В третью смену. Когда рабочий, трудившийся над деталью, на мгновение вырубился... «Запорол». В совершенно непоправимый брак. Чтобы избежать крупных неприятностей, рабочие... бросили её в канаву и залили бетоном в фундаменте строящегося нового цеха. Мне, по секрету, показали нечто, торчащее из бетона... Это и была часть важной детали. Там она, наверное, и покоится по сей день.

Произошёл странно печальный инцидент тоже в самом конце месяца, когда усталость людей мешала им адекватно реагировать на действительность. Хотя, впрочем, как сказать о конкретном случае...

Само собой разумеется, мы «несли трудовые вахты» в честь юбилеев и партийных съездов, и «претворяли в жизнь» их решения. Свято соблюдались и ленинские субботники. Естественно, в эти дни возрастала производительность труда. О результатах творческого и трудового энтузиазма торжественно рапортовалось. В дни субботников, ленинских, действительно сдавалось гораздо больше продукции, чем в обычные дни, при... ничуть не большей производительности труда. Чудо техники? Ничуть. Результат творческого подхода: продукцию потихоньку накапливали заранее к торжественному дню, не сдавая ее до поры до времени. Когда пора наступала – продукцию официально оформляли, словно изготовленную и сданную в день славного ленинского коммунистического субботника. Только и всего. И никакой вам липы.

Само собой разумеется процветало, конечно, и социалистическое соревнование, и соответствующие обязательства. Комсомольцем я был активным и праведным, но к такому важному делу, как соцсоревнование, относился не очень серьезно. Считал, что необходимо работать хорошо всегда, а не только по случаю каких-либо дат социалистически соревноваться. Но однажды, творчески подумав, я решился на личный эксперимент: взял на себя такое, что и парторг, и комсорг цеха посмотрели на меня мало сказать недоверчиво. По их взглядам было понятно: они видят перед собой необузданного хвастуна и идеологического афериста. Но продумано мной все было досконально, и обязательства свои я выполнил пункт в пункт. Ждал подведения итогов, надеясь получить заслуженную похвалу и, возможно, нечто, более материальное. Но не дождался, забыв со временем и о своих обязательствах, и ожиданиях... До тех пор, пока случайно не обнаружил в пыльном углу технологического сейфа пачку каких-то бланков, завёрнутых в пожелтелую газету. Сдув пыль и развернув газету, я обнаружил... Наши социалистические обязательства, с моими «повышенными» в том числе...

Находка не потрясла и не обескуражила – именно такой финал мне и предсказывали мои многоопытные коллеги... Приходя после работы в свой «Дом «Ха-ха», мы за вечерними сигаретами посмеивались над идеологическими потугами наших руководителей, не придавая им слишком большого значения.

Несмотря на своеобразную организацию труда, заводом своим мы гордились. Гордились, без всякой иронии, тем, что работаем на оборону страны, способствуя тем самым её защите от потенциальных агрессоров, как нас уверяли, со всех сторон зловеще нас окружающих. Сознание этой гордости и помогало нам терпеливо сносить все неурядицы в нашей работе и в быту. Правда, сосуществовало оно с сознанием безысходности: многие из нас, возможно, ушли бы на какой-нибудь другой завод, но и на других заводах происходило примерно то же самое. Да и с жильем тотчас же возникли бы проблемы. Поэтому мысли о поисках более лучшего, появившись и померцав в сознании, вскоре исчезали.

А рабочие нашего завода на других заводах ценились высоко, как специалисты. Наши станочники, придя в другие организации, быстро осваивались и способны были работать на любых станках, и с любым инструментом. Тогда как пришедшие к нам с других заводов,

даже имея высокие разряды, осваивались не сразу. Наше производство требовало высокой точности и аккуратности, детали отличались сложностью, и ответственность за качество их изготовления была тоже высока.

При всей напряженности нашей работы не следует, однако, думать, что на своих рабочих местах мы только работой и занимались. Случались и отдушины, когда люди общались между собой именно от души. Работа была местом, где мы узнавали самые свежие городские новости и новые анекдоты... Однажды, вскоре после того, как в стране ввели правило продавать спиртное только с одиннадцати часов дня, наш Хрущев улетел в Америку. Вечером об этом знаменательном факте передали по телевидению, а на следующее утро весь завод уже знал анекдот о том, что бедному Никите Сергеичу не давали опохмелиться после вечерней попойки по случаю его прибытия в США – до одиннадцати часов промучался, бедняга...

Механический наш цех ревел моторами станков и скрежетал металлом, и был слесарным инструментом. Говорить, чтобы услышать друг друга, приходилось очень громко. Громогласно рассказывали и так называемые «антисоветские» анекдоты. Такой, например: «Загнивающий Запад стоит на краю пропасти... И заглядывает в неё – что это мы там делаем?.. Ответ: копаем ещё глубже...» Ответ на ежедневные потуги внушить нам, что запад всё более и более загнивает, а мы «идём семимильными шагами к коммунизму». Или вот ещё: «Седьмое ноября. Парад на Красной площади. Колонны войск. Танки, ракеты... Вот военная техника проходит. Появляется хиленькая группа людей в пальто и шляпах. Без лозунгов и маршей... Иностранцы гости на трибунах недоумевают: „А это кто такие?“ Ответ: это – самое мощное разрушительное оружие СССР – Госплан!» Уж мы-то знали – с нашей штурмовщиной по выполнению плана...

Досуг

В предновогодний вечер накануне наступления 2003 года прошелся я по бывшему когда-то нашим «Бродвею» – так в просторечии называли улицу Свердлова – от слова бродить. (А ещё «Свердлэй»). Нашей эту улицу мы считали потому, что она редкий вечер не видела нас на своем асфальте, а мы, проходя по ней, узнавали в лицо не только каждый дом, но и многих прохожих. Довольно легко удалось представить себе такой же вечер много лет назад, нашу компанию на этом самом месте, и взглянуть на нынешнюю Большую Покровку, как бы глазами пришельца из прошлого, попавшего в будущее... Вот я иду в солдатской шинели и в шапке того же происхождения, без перчаток. Не по причине своей морозостойкости, а из-за отсутствия средств на их покупку, да и потому ещё, что их и в продаже попросту нет. Захолодевшие пальцы сжал в кулаки и спрятал их в карманы. Вида своего внешнего не стесняюсь несколько. В те годы многие, отслужив в армии, продолжали ходить в военной форме...

Вот иду я в мысленном таком виде по Большой Покровке, а вокруг меня, по пути со мной или навстречу мне идут люди в разнообразных дубленках, шубах, куртках, шапках и шапочках. Нарядные, добротнo одетые... Мы себе такой одежды даже вообразить не могли. А уж купить...

Вокруг все, как прежде: те же дома на том же месте, те же фасады... Вот арка в доме напротив университета. Под нее мы проходили к «Дому офицеров». Он же «Дом Красной Армии». Он же просто «дэка». Именно так, и не иначе, называли его, чтобы определить место своего времяпровождения и приложения энергии. Впрочем, в нашем узком кругу имело место и другое наименование. Буфетчицей в «дэка» работала очень полная, но не толстая, женщина, приветливая и добродушная, среднего возраста, охотно откликавшаяся на обращение тетя Шура. Поскольку мимо буфета мы не проходили никогда, то для нас идти в «Дом офицеров» означало идти и к тете Шуре. Мы так и говорили: пойдём к «тетё Шуре» и все было понятно.

Кроме «Тети Шуры» на тогдашней Свердловке, и прилегающих к ней улицах, располагалось еще множество мест, куда можно было сходить провести вечер. Начиная от площади Горького и до площади Минина, гостей ждали: «Голубой зал» в «Доме связи»; клуб Управления охраны общественного порядка или, упрощенно, «Клуб УООП» (эту аббревиатуру мы иногда слегка переиначивали, заменив последние две буквы другими), на улице Воробьева; клуб имени Свердлова; «Дом ученых»; «Дом медицинского работника»; «Дом работников торговли»; и, наконец, «Дом работников просвещения» или, короче, «дэрэпэ». В наиболее крупных из них, имеющих два, как клуб УООП, или даже несколько, как «дэка», – устраивались не просто танцы, а объемные вечера отдыха с разнообразной программой. Бывали даже вечера с двумя оркестрами одновременно, но только в разных залах. В одном играл эстрадный оркестр, а в другом – духовой. Если от такого разнообразия начинала кружиться голова, то можно было посетить третий зал и перевести дух, глядя на мультфильмы или короткометражные фильмы.

Отдыхающие очарованно переходили из зала в зал. Обессиленных и проголодавшихся ждала в буфете наша тетя Шура. У нее можно было поужинать, съев горячее второе блюдо, из повседневного столовой меню, выпить пива. Оно имелось в большом ассортименте, аж сортов из трех. Чаще всего это были: «Жигулевское», «Московское» и «Мартовское». Не возбранялось и покурить. Сидели в буфете, как в ресторане, раскованно разговаривая «за жисть» и обсуждая проходящих девушек...

Особенно знаменит был, на весь город!, летний сад «дэка». Входили в него через ворота старинной кладки со стороны Холодного переулкa и оказывались в очень зеленом,

уютном, и даже каком-то домашнем, саду. Тетя Шура переходила торговать в летний же буфет со столиками, находившийся в павильоне. Здесь же можно было сыграть в шахматы и прочесть свежие газеты. Желавших просто отдохнуть, ничем иным, кроме удовольствия ничего не делать, ждали удобные садовые скамейки. Причем они имелись в изобилии. Выражаясь современным языком, летний сад представлял собой целый комплекс: открытая летняя эстрада, упомянутый уже павильон и собственно то, из-за чего сюда устремлялась молодежь со всего города – танцевальная площадка с «раковиной», где укрывался «надежды маленький» оркестрик.

Площадка была большой, с досчатым полом и перилами по периметру. Концентрация на ней девушек со всего города создавала целый ряд проблем для парней и мужчин, живущих в нагорной части города. Состояли проблемы, например, в следующем. Познакомившись с девушкой из Автозаводского района, парень обрекал себя на путешествие в этот район – даму проводить... Или в Сормово... Или до Московского шоссе. Поездка сама по себе, да еще с приятной спутницей, ничего страшного не представляла – в один конец, то есть, до ее дома. Проблемы начинались при возвращении обратно. Общественный транспорт к этому времени уже не ходил, на такси денег, как правило, не имелось, а песню «опять от меня сбежала последняя электричка» еще не сочинили. Электрички тоже отнюдь не к каждому дому подъезжали. И приходилось бедолаге топать на своих двоих от и до. Поход особенно впечатлял, если совершался в ночь на понедельник... Особую опасность представляли собой Московское шоссе и Гордеевка. Добраться ночью домой с Московского шоссе на транспорте было только мыслимо, но не осуществимо. В Гордеевке били, и очень больно, всех не своих. Лично мне битому быть не приходилось, но зато я точно знаю, сколько времени требуется, чтобы дойти в среднем темпе от садика «Первого мая» в Канавине до улицы Крылова возле детской больницы на проспекте Гагарина: шестьдесят пять минут.

Рыцарями мы, конечно, были, по мере сил и способностей... Но избирательно. По опыту регулярные посетители «дэка» уже знали, в каком месте танцплощадки концентрируются девушки из того или иного района – партнерши для танцев и потенциальные объекты для проводов... Бывало, безусловно, очарование дамы настолько неотразимо, что поклонник шел за ней буквально на край света. Дальнейшее зависело от того же очарования.

В те времена посещение вечеров отдыха было относительно безопасным. Драки приходилось наблюдать всего лишь раза два. Да и то они прошли почти безобидно – хлестнули один другого раза два по физиономии, на том конфликт и исчерпан. Однако, это не значит, что драк не было совсем. Мы просто не ходили, из естественного чувства самосохранения, туда, где били пришельцев – в парк имени Кулибина, например. Тамошние местные «бретеры» ревностно отслеживали тех, кто, по их мнению, покушался на неприкосновенность их территории и дам. Отследив, по-джентельменски предупреждали: уходите, мол, подобра и пока поздорову. Не внявшим здоровье портили при помощи кулаков, ног или чего пожестче...

Завсегдатаи «дэка» знали друг друга в лицо, даже не будучи знакомы по именам. Зато самые выдающиеся из них имели прозвища. Частым посетителем являлась «История дэка». Приходила «Галя тюремная» – ее так прозвали только потому, что жила она рядом с тюрьмой. Очень симпатичная, надо сказать, девушка, похожая на киноартистку Ирину Скобцеву. Одна из посетительниц именовалась так: «Сама себе знакомая». Заслужила прозвище тем, что решительно отказывалась от всех знакомств. «Союзная республика» выделялась на общем фоне раскосыми глазами красивой узбечки, каковой и являлась на самом деле... Многие нашли в «дэка» свои судьбы. Много осталось хороших воспоминаний...

Конец летнему «дэка» пришел где-то в середине... или в конце восьмидесятых годов. Кому-то из городских властей приглянулось это свободное от построек место в центре города... Теперь там стоят «престижные» дома для «престижных» людей. Больше никогда

здесь не соберется нижегородская молодежь. А жаль. Молодежь жаль. И место. Оно действительно было престижным – для города в целом, а не только для отдельных его персон.

В начале шестидесятых годов, это было время «хрущевской оттепели», совершались попытки проведения дискуссий. Организаторами и вдохновителями их являлись, разумеется, райкомы ВЛКСМ. Как-то раз на одной из них довелось побывать и обитателям «Дома «Ха-ха». Один раз потому, что еще раз больше не захотелось; а лишь побывать потому, что участвовать не пришлось...

Дискуссия состоялась в «Голубом зале» Дома связи. О поэзии. Не вообще, а конкретно поэтов Роберта Рождественского и Андрея Вознесенского. На сцену вышли двое. По их внешности можно было догадаться: оба из аппарата райкома комсомола – имелись некие специфические признаки. Так оно и оказалось. Надо сказать, что в те годы в общей массе провинциальной молодежи ни Рождественский, ни Вознесенский не только популярны, но и известны не были. Когда ведущие обратились к залу с вопросом, кто читал их стихи – не поднялось ни одной руки... Стало странновато: как можно говорить о том, чего никто из присутствующих не знает, а тем более дискуссионировать. Оказалось – можно!

Ведущие поначалу подивились невежеству присутствующих, но скоро от своего удивления оправились и принялись за дискуссию... между собой. При этом один пылко утверждал, что поэты, и тот, и другой, замечательные творцы, а другой пламенно ему возражал: нет, они – превосходны. Первый согласиться с такой несправедливостью не мог и доказывал своему оппоненту: они не только превосходны, но и талантливы. Второй, отринув мнение противника, категорически заявлял: нет – они гениальны... При этом стихов поэтов практически не читали...

Зал заскучал. С первого ряда послышалась какая-то реплика в адрес «спорящих». «Спорщики» на сцене сделали паузу и вежливо предупредили: в зале нужно соблюдать порядок. Затем продолжили «дискуссию» между собой о степенях гениальности поэтов. Вскоре вновь послышался «глас народа» с того же места в первом ряду. На этот раз результат неорганизованного выступления оказался иным. Нарушителя спокойствия доблестные дружинники под белы ручки вывели из зала. Кто-то попытался протестовать: за что – дискуссия же. Ему строго указали пальчиком... Примерно через час ораторы на сцене или притомились, или исчерпали все свои словарные запасы, или по сценарию пришла пора что-нибудь сказать и зрителям действия к ним обратились: выступайте, товарищи, задавайте вопросы. Но товарищи ни выступать, ни спрашивать уже не рискнули: вдруг не то или не так скажешь... Дружинники – вон они... Долго потом в «Доме «Ха-ха» посмеивались над этой «дискуссией». Посмеивались и возмущались – неприятно, когда вас столь прямолинейно держат за дураков.

Репертуар спектаклей для взрослых в кукольном театре просмотрен нами был неоднократно. Драмтеатр посещали реже. Среди нас имелся лишь один завзятый театрал, Костя Чиков. Он занимался в театральной студии клуба имени Свердлова, втайне мечтал стать настоящим артистом, но так и остался технологом. Не пропускали ни одного нового фильма. Как раз в это время выходили на экраны «Неподдающиеся», «Высота», «Девчата»,

«Весна на Заречной улице»... Фильмы о рабочих, об их труде, о жизни..., в том числе и в общежитии. Фильмы нравились, но не безоговорочно. Нравилась игра актеров, забавные сцены, удачные реплики, песни. Но работали и жили киногерои в некоем ином мире: он и похож был на наш, и не похож. К непохожести относились снисходительно. Понимали – идеология в действии. Киноафиши в те времена предназначались не только для информации о демонстрации того или иного фильма в таком-то кинотеатре в такое-то время. Они разъясняли нам, несмышленишкам, о чем, собственно, фильм. Чтобы мы его как бы никуда не так поняли. Например: «Не поддающиеся» – «Фильм о становлении характера молодого советского человека!». Являясь сами молодыми советскими людьми, мы с любо-

пытством шли смотреть, как же это «устанавливаются» характеры нам подобных. Процесс становления был нелегок, порой иногда и кое-где местами, но идеален в своем завершении – иного не могло и быть при «социалистическом реализме»..

Действие фильма развивается в механическом цехе, очень похожем на такой же цех нашего завода. Кино герои – токаря и другие специалисты холодной обработки металла. Все, как у нас, и все – не так. Схожесть только внешняя. Идея фильма – то самое «становление» лоботрясов на путь истинный с помощью шефа – комсомолки, выполняющей «спецзадание» комсомольской организации. Это был период «наставничества и шефства» опытных, авторитетных рабочих над молодыми рабочими. Имелись и в нашем цехе наставники – как же без них, если велено сверху... Но у опытных рабочих, при уже описанной организации труда на заводе, не оставалось ни времени, ни сил на занятия со своими подшефными так, как то по идее требовалось. Да и к самой идее в рабочей среде относились скептически: по замыслу, вроде бы, дело полезное, но на практике – когда этим заниматься? Наставничество было лишь формальным и символическим. Но кино смотрели с удовольствием. Как ненаучно-фантастическое.

К досугу можно отнести и комсомольскую работу – не в рабочее же время ею заниматься работающим на производстве. Имелись, впрочем, и комсомольские кадры, от работы на производстве освобожденные для профессиональной работы с комсомольцами. Их так и называли: освобожденные комсорги. Члены общежитейского братства «Дома «Ха-ха» комсомольцами были все, кроме тех, кто по возрасту официально молодежью уже не числился. Комсорга в общежитии не полагалось, поэтому мы прозябали без него, никаких неудобств и идеологического ущерба при этом не испытывая.

Незаметной была роль комсорга и в цехе, хотя там-то уж он имелся в обязательном порядке. Несмотря на свою, уже упоминавшуюся, активность вспомнить о комсомольской деятельности почти нечего. Активность моя проявлялась главным образом в выпуске и оформлении стенных газет, и в подготовке цеховых, и заводских вечеров отдыха. Так же активно я уплачивал членские взносы и посещал комсомольские собрания. Но все это и составляло то, что называлось комсомольской работой. Причем, главной ее частью являлась уплата членских взносов.

Однажды, когда актив нашего цеха усердно готовился к какому-то очень важному общественному мероприятию – вечеру, чему-то посвященному. Я естественно к делу сему был непосредственно причастен, но... Меня вдруг чуть ли не под конвоем двух моих товарищей по ленинскому союзу повели на заседание заводского комитета ВЛКСМ. При этом «конвоиры» мои загадочно молчали о причинах вызова на столь важное заседание. Впрочем, причина мной предполагалась простой – подготовка к вечеру...

За столом восседал комитет в полном составе. Весь состав смотрел на меня сурово и строго. «Ты догадываешься, почему мы тебя пригласили?» – спросил секретарь комитета, он же замначальника цеха. «Не пригласили, а привели», – надеялся отшутиться я. – «А вопрос о вечере, наверное». «И правильно сделали, что привели. О вечере забудь. Ты почему членские взносы не заплатил за прошлый месяц?» От удивления онемев, я разозлился. Заседание происходило на этот раз в рабочее время. Мой стол был завален работой, а голова чем угодно, только не взносами за прошлый месяц, тем более, что я их уплатил вовремя. Последовали препирательства все в том же грозном тоне. В конце концов, я расстегнул нагрудный карман моей верной гимнастёрки, вынул из него комсомольский билет и припечатал его о стол перед длинным носом комсорга – в билете стоял штамп за уплату всех членских взносов...

Потом передо мной извинились: ошибка, мол, вышла. Но «мероприятием» заниматься больше не хотелось. А инцидент этот запомнился в деталях. Он многое прояснил. Последовавшие после «разборки» выводы подтвердил и мой друг, работавший в райкоме ВЛКСМ: да, членские взносы – важная часть работы райкомов. Можно было сделать вывод,

что и важнейшая... Уплачены взносы вовремя – работа удовлетворительная. Не уплачены – плохая. Со всеми последующими оргвыводами и оргмерами.

Запомнилось еще два собрания. Об одном уже говорилось – исключали из комсомола нашего товарища. На другом лично присутствовавший секретарь райкома ВЛКСМ убеждал нас: нехватка товаров в магазинах имеет только одну причину – наши непомерно возросшие потребности. Кто-то из комсомольцев задал вопрос: «Вот я имею одну пару обуви. В ней хожу и на работу, и после нее. Пол в цехе усыпан металлическими стружками. Она режет подошвы и обувь быстро изнашивается. Мне нужны новые ботинки: это что – тоже возросшая потребность?» Казалось, секретарь зажат в угол. Ничуть не бывало. Не моргнув ответственным глазом, он четко и однозначно ответил: «Да, это – тоже возросшая потребность...» Зал расхохотался. Но здесь нужно поставить себя на место секретаря райкома ВЛКСМ: он просто не мог ответить иначе, если бы даже думал по – другому, а он наверняка иначе думал – не глупый же человек. А сказать не имел права – последовали бы немедленные «оргвыводы» вышестоящей инстанции уже не о потребностях, а о нём лично... Молодежь попросила его после собрания поговорить с ней и ответить на ряд вопросов. Секретарь согласился и... миновал ожидавших его незаметным путем. Только мы его, как говорится, и видели.

Не вся молодежь цеха состояла в комсомоле. Нельзя сказать также, что он своих членов объединял всегда и везде. На собраниях да – объединялись. На время. Время заканчивалось – все жили самостоятельно. Поведением своим комсомольцы от не комсомольцев не отличались совершенно. Работой тоже. Ни производительность, ни качество, ни дисциплина от членства в рядах всесоюзного не зависели.

МЫ – ХОЛОСТЯКИ

Как-то однажды в «Литературной газете» появилась статья о холостяках. Автор, мужчина, между прочим, и обвинил их во многих земных грехах, и «пожалел»: нестиранные они без женщин, не глаженные, несытые, небритые. И при этом – страшные эгоисты, потому что обездоливают не только себя, но и женщин, не женясь на них. Мы, естественно, приняли статью на свой счет. Написали отклик. Его не опубликовали. Статья была несправедливой по всем статьям. Холостяки «Дома ха-ха» сделали вывод, автор или не был холостяком никогда, или не жил в общежитии, тоже никогда. Женщины нашего завода, а также и те горожанки, которые имели честь познакомиться с нами, отмечали нашу всегдашнюю подтянутость, отутюженность, выбритость и элегантность, но это уже по мере возможностей.

В общежитии «Ха-ха» не пьянствовали. Это обстоятельство тоже удивляло женщин – коллег по работе: как? Одни. Холостые. Без всякого надзора со стороны изначально праведных жен – и не пьют? Да, вот так и не пили. В абсолютных трезвенниках не состояли, но и пьяницами не были, кроме уже известного Леши Шишкина. Его личный пример нас не увлек. Нельзя сказать, что и во всем «хохочущем» доме пьянство процветало чрезмерно – рабочие завода меру знали и за ее пределы выходили редко. Нами, холостяками, отмечалось: «женатики» бывают пьяными относительно гораздо чаще, чем наше холостяцкое племя.

Причины и нашей подтянутости, и трезвости объяснялись просто: после работы многие из нас учились, а это занятие требовало трезвой головы; перед своими девушками тоже необходимо было показываться в трезвом виде, а если их не имелось – тем более, потому что с пьяным и неопрятным человеком ни одна порядочная и приличная девушка знакомиться не станет, а нам нужны были именно хорошие, порядочные и приличные. Каждый искал свою единственную. Замужние женщины, работавшие на заводе, опять недоумевали, глядя на нас, без ложной скромности симпатичных и молодых, мающихся в «общаге»: почему вы не ищите невест с квартирой? Найдите, женитесь – и жилье появится, и сыты будете, и обстираны, и обштопаны, и... Да мало ли еще какие блага вас ожидают в счастливой семей-

ной жизни. Мы не возражали, но линию свою держали стойко. Со штопкой и стиркой мы справлялись и сами с успехом – так же, как и с приготовлением еды... И женщины нам нужны были не в качестве обслуживающего персонала, а уж жениться только ради этого никто из нас рисковать не хотел, наслушавшись об «ужасах» семейной жизни от своих товарищей...

Встречи со своими красавицами мы назначали чаще всего у Дома связи, придавая названию последнего уже иной смысл, с почтовой и телеграфной связью не имеющий ничего общего. Встретившись, приглашали обычно в кино, а после сеанса гуляли по городу. В окрестностях площади Горького не оставалось, наверное, ни одного двора, где бы не ступали наши ноги, и ни одной скамейки, где бы мы не сидели. Сидя, конечно, не только разговаривали... Заниматься более интимными, чем разговоры, делами нам больше было негде. Иногда, в очень особых случаях, приводили своих подруг в «Дом «Ха-ха», вызывая тем острый интерес любопытных соседок по коридору. Деликатные товарищи по комнате к нашему приходу, «как нарочно» и совершенно случайно куда-то исчезали... Так мы и объясняли девушкам: вот, мол, ребята ушли куда-то и не вернутся, неведомо почему, ну никак не раньше, чем через часа три... По «странному» совпадению обстоятельств так оно и было – в комнате никто не появлялся именно три часа... Девушки, может быть, и не верили в случайность совпадений, но помалкивали – у них тоже не было выбора...

Иногда происходили недоразумения. Как-то раз мы, «совершенно случайно» где — то задержавшись на три часа, пришли со спокойной совестью в свою комнату, включили свет и... Увидели на кровати накрытое одеялом с головой... нечто, похожее на тело... или на два. Тело, или тела, признаков жизни не подавали и не шевелились. Замерли на месте и мы, не зная, что нам дальше делать. Свое отсутствие мы честно отработали и были бы непроч отдохнуть, но наш товарищ подозрительно от нас скрывался под одеялом в неизвестном количестве. Если это количество было более одного, то одному из них, вероятнее всего, предстояло одеваться, и мы при этом являлись помехой. Но сколько их там? Одному из нас пришла в голову простая, как все гениальное, мысль: определить искомое по... количеству ступней. Он на цыпочках подкрался к койке и осторожно приподнял одеяло с той его стороны, где предполагались ноги. Их оказалось четыре – для одного нашего товарища многовато. После совершения открытия, мы громко кашляли и многозначительно сказали друг другу, что хотим еще погулять минут с пятнадцать... Когда мы вернулись после названного времени, наш товарищ скромно спал на своей койке с положенной ему личной парой ног. Подругу свою он провожать почему-то не пошел. Хотя это был наш священный долг.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.